

УДК 341.4:343.21(575.2)

DOI: 10.36979/1694-500X-2025-25-11-108-112

**ПЕРСПЕКТИВЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ НОРМ
МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА В УГОЛОВНОЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Л.Ч. Сыдыкова, Г.Б. Жунушова

Аннотация. Определена значимость норм международного уголовного права в системе источников уголовного права Кыргызской Республики. Приводятся международно-правовые акты, которые входят в число источников национального уголовного законодательства Кыргызской Республики в части установления уголовно-правового запрета экстремистской деятельности. В современный период в специализированных конвенциях Шанхайской организации сотрудничества против экстремизма заложены основы противодействия данному негативному явлению. Уголовное законодательство Кыргызской Республики на современном этапе не содержит четкой дефиниции экстремистской деятельности. Отечественный уголовный закон при раскрытии искомого понятия содержит перечисление деяний, которыми реализуется данная разновидность преступных деяний. Авторы предлагают закрепить в уголовном законодательстве Кыргызской Республики определение преступлений экстремистской направленности, основанное на дефинициях, закрепленных в нормах международного уголовного права.

Ключевые слова: международное право; уголовное право; законодательство Кыргызской Республики; экстремизм; экстремистская деятельность; преступления экстремистской направленности.

**УЛУТТУК КООПСУЗДУКТУ КАМСЫЗ КЫЛУУ КОНТЕКСТИНДЕ
КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНЫН КЫЛМЫШ-ЖАЗА МЫЙЗАМДАРЫНА
ЭЛ АРАЛЫК ЖАЗЫК УКУГУНУН ЧЕНЕМДЕРИН
ИМПЛЕМЕНТАЦИЯЛООНУН КЕЛЕЧЕГИ**

Л.Ч. Сыдыкова, Г.Б. Жунушова

Аннотация. Кыргыз Республикасынын кылмыш-жаза укугунун булактарынын тутумунда эл аралык жазык укук ченемдеринин мааниси аныкталган. Экстремисттик аракеттерге жазыктык-укуктук тыюу салууну белгилөө бөлүгүндө Кыргыз Республикасынын Улуттук кылмыш-жаза укугунун булактарынын катарына кирген эл аралык-укуктук актылар келтирилет. Азыркы мезгилде Шанхай Кызматташтык Уюмунун экстремизмге каршы адистештирилген конвенцияларында бул терс көрүнүшкө каршы аракеттенүүнүн негиздери түптөлгөн. Кыргыз Республикасынын жазык мыйзамдары азыркы этапта экстремисттик ишмердүүлүктүн так аныктамасын камтыбайт. Ата мекендик кылмыш-жаза мыйзамдары каалаган түшүнүктү ачып берүү менен кылмыш ишинин бул түрү ишке ашырыла турган аракеттердин тизмесин камтыйт. Автор Кыргыз Республикасынын кылмыш-жаза мыйзамдарында эларалык кылмыш-жаза укугунун нормаларында бекитилген аныктамалардын негизинде экстремисттик мүнөздөгү кылмыштардын аныктамасын бекитүүнү сунуштайт.

Түйүндүү сөздөр: эл аралык укук; Кылмыш-жаза укугу; Кыргыз Республикасынын мыйзамдары; экстремизм; экстремисттик ишмердүүлүк; экстремисттик кылмыштар.

**PROSPECTS FOR THE IMPLEMENTATION
OF INTERNATIONAL CRIMINAL LAW NORMS
INTO THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE KYRGYZ REPUBLIC
IN THE CONTEXT OF ENSURING NATIONAL SECURITY**

L.Ch. Sydykova, G.B. Junushova

Abstract. The article defines the importance of the norms of international criminal law in the system of sources of criminal law of the Kyrgyz Republic. The author cites international legal acts that are among the sources of the national criminal legislation of the Kyrgyz Republic in terms of establishing a criminal-legal ban on extremist activity. In the modern period, the specialized conventions of the Shanghai Cooperation Organization against Extremism laid the foundations for countering this negative phenomenon. The criminal legislation of the Kyrgyz Republic at the present stage does not contain a clear definition of extremist activity. Domestic criminal law, when disclosing the desired concept, contains a list of acts by which this type of criminal act is realized. The author proposes to enshrine in the criminal legislation of the Kyrgyz Republic a definition of crimes of an extremist nature, based on the definitions enshrined in the norms of international criminal law.

Keywords: international law; criminal law; legislation of the Kyrgyz Republic; extremism; extremist activity; crimes of an extremist nature.

В современных условиях государства на международной арене все чаще сталкиваются с угрозами межнациональной и межконтинентальной преступности. Действенным инструментом противодействия этому негативному международному социальному явлению выступают нормы международного уголовного права.

Законодатель Кыргызской Республики определяет высокую значимость международно-правовых норм для отечественной системы права и системы законодательства, закрепляя в абзаце 1 п. 3 ст. 6 Конституции Кыргызской Республики от 5 мая 2021 года положение о том, что: “Общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры, вступившие в силу в соответствии с законодательством Кыргызской Республики, являются составной частью правовой системы Кыргызской Республики” [1]. В уголовном законодательстве Кыргызской Республики в числе источников права также названы международно-правовые нормы. Так, в ч. 1 ст. 1 Уголовного кодекса Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года (далее по тексту – УК КР) закреплено, что: “Уголовный закон Кыргызской Республики состоит из настоящего Кодекса, основанного на Конституции Кыргызской Республики, общепризнанных принципах международного права

и нормах международных договоров, вступивших в силу в соответствии с законодательством Кыргызской Республики” [2].

В УК КР выделена отдельная глава 41, в которой объединены составы преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. Из всех составов преступлений, перечисленных в главе 41 УК КР, в нормах международного уголовного права содержится только запрет сепаратистской деятельности и экстремистских преступлений. Правовая регламентация других разновидностей преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, относится к собственным внутренним интересам каждого отдельного государства и регламентируется исключительно нормами национального уголовного законодательства страны. Это же касается и применяемых предупредительных мер в отношении таких групп преступлений.

Следовательно, особая значимость для обеспечения национальной безопасности Кыргызской Республики принадлежит таким источникам международного уголовного права, как международным конвенциям против экстремизма, учитывая, что экстремизм является трансграничным и широко распространенным негативным социальным явлением. Поэтому для того, чтобы

добиться эффективности в обеспечении предупреждения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, необходимо учитывать успешный зарубежный опыт и имплементировать его в отечественное законодательство и практику правоприменения.

В числе международно-правовых документов, устанавливающих основные противодействия проявлениям экстремизма, ратифицированных Кыргызской Республикой, следует назвать следующие:

- Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года [3], в нормах которой закреплены основы равенства прав граждан и недопущения экстремистских проявлений в отношении них (ст.ст. 1–5, 7, 9, 10, 13, 14, 16, 18–20, 28 Всеобщей декларации прав человека);
- Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года. В нормах данного международно-правового акта провозглашено “равенство граждан независимо от расовой, национальной или религиозной принадлежности” [4];
- Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года. В рамках данного международно-правового документа закреплялось расширенное определение понятия “экстремизм”: “...какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон” [5];
- Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму от 9 июня 2017 года закрепила новый подход в формулировании дефиниции экстремизма. В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 2 рассматриваемой Конвенции предложено следующее определение искомого понятия

““экстремизм” – идеология и практика, направленные на разрешение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий” [6].

“Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму от 9 июня 2017 г. представляет собой комплексный документ, содержащий нормы, призванные оказать существенное влияние на различные отрасли права: административное, уголовное, уголовно-процессуальное, гражданское, информационное. Она базируется на основных принципах международного права: уважения прав человека, сотрудничества и добросовестного выполнения обязательств и регулирует международные аспекты:

- гармонизации уголовно-правовой оценки экстремистских деяний;
- раскрытия и пресечения преступлений экстремистского характера;
- уголовно-процессуальной деятельности, направленной на собирание доказательств совершения таких преступлений за рубежом, обеспечение выдачи и уголовного судопроизводства по делам об экстремизме;
- сотрудничества в сфере лишения экстремистов экономической базы.

Комплексный характер обязательств государств – членов ШОС составляет главную новацию этого международного договора, который впервые в практике международных отношений создал единую (в рамках региональной международной организации) международно-правовую основу противодействия экстремизму” [7, с. 9].

Парламентская ассамблея Совета Европы приняла Резолюцию № 1344 от 29 сентября 2003 года, в которой была предпринята попытка дать наиболее общее и в то же время близкое к сложившимся политическим реалиям толкование экстремизма [8]. Таким образом, ПАСЕ определило, что “экстремизм – это разновидность политической деятельности, которая отвергает основополагающие принципы и концепции парламентской демократии” [9].

Следует отметить, что, несмотря на достаточно большое количество разнообразных

Резолюций ООН и ПАСЕ, в которых в той или иной степени закрепляется запрет экстремистской деятельности, они не систематизированы, носят разрозненный характер. Как отмечают А.Г. Волеводз и В.А. Ализаде: “Возможность достижения единства по нормативному согласованию в этой сфере под эгидой, к примеру, ООН – ничтожно мала. <...> В этой связи абсолютно правильным является предложенное государствами-членами ШОС решение упомянутых вопросов путем совершенствования региональной международно-правовой базы противодействия экстремизму в рамках новой Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму от 9 июня 2017 года, которая не отменила Конвенцию 2001 года, а заключена в ее развитие” [7, с. 9].

Несмотря на то, что проявления экстремизма известны человечеству уже не одно столетие, до настоящего времени не сформулировано универсальное определение экстремизма. Это объясняется тем обстоятельством, что такое негативное социальное явление, как экстремизм, многогранно, и в зависимости от отраслей изучающего его научного знания в понятии экстремизма выделяются собственные черты.

Во множестве международных нормативно-правовых документах предусматривается запрет экстремистской деятельности. Однако наиболее корректное определение экстремизма, сформулированное на международном уровне, заключено в Конвенциях ШОС 2001 и 2017 годов.

В действующем отраслевом законодательстве Кыргызской Республики определение дефиниции экстремизма не закреплено на законодательном уровне. Так, в подп. а) пункта 1 ст. 4 Закона Кыргызской Республики “О противодействии экстремистской деятельности” от 24 февраля 2023 года лишь перечислены все действия, относимые законом к экстремистской деятельности [10]. Невозможно достижение целей борьбы с проявлениями преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства в частности и борьбой с преступностью в целом даже при самых совершенных мерах противодействия и профилактики, если имеются дефекты правовой регламентации таких норм. Поэтому основным направлением со-

вершенствования ответственности за рассматриваемую группу преступлений будет выступать разработка и принятие изменений и дополнений в действующие нормативно-правовые акты.

В настоящее время отечественная доктрина уголовного права не выработала единый подход в вопросах определения понятия “экстремистские преступления”. В раскрытии данного понятия предлагаем отталкиваться от сформулированного российским законодателем определения преступлений экстремистской направленности, содержащегося в примечании 2 ст. 282.1 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ: “Под преступлениями экстремистской направленности <...> понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части <...>” [11]. Имплементация данного положения в отечественное законодательство представляется также целесообразной ввиду того, что Российская Федерация также является участником Шанхайской Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, в рамках которой осуществляется сотрудничество в области предупреждения выявления и пресечения, указанных в наименовании конвенции деяний.

Поступила: 26.09.2025;

рецензирована: 10.10.2025; принята: 13.10.2025.

Литература

1. Конституция Кыргызской Республики от 5 мая 2021 года. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/1-2/edition/1202952/ru> (дата обращения: 26.09.2025).
2. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года. URL: <http://minjust.gov.kg> (дата обращения: 26.09.2025).
3. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/17534/edition/297586/ru> (дата обращения: 26.09.2025).
4. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966

- года. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/17581/edition/297638/ru> (дата обращения: 26.09.2025).
5. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/17363/edition/297404/ru> (дата обращения: 26.09.2025).
 6. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму от 9 июня 2017 года. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/54138/ (дата обращения: 26.09.2025).
 7. Волеводз А.Г. Международно-правовые подходы к противодействию экстремизму: материально-правовые и процессуальные аспекты / А.Г. Волеводз, В.А. Ализаде // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 6.
 8. Абдуллаев М.Х. Понятие экстремизма и пути его распространения через каналы СМИ (на материалах Республики Дагестан) / М.Х. Абдуллаев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2017. № 3. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30094430> (дата обращения: 27.09.2025).
 9. Resolution 1344 (2003) “Threat posed to democracy by extremist parties and movements in Europe”. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/2/b/77812.pdf> (дата обращения: 27.09.2025).
 10. Закон Кыргызской Республики “О противодействии экстремистской деятельности” от 24 февраля 2023 года. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/4-3281/edition/1243725/ru> (дата обращения: 27.09.2025).
 11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 27.09.2025).